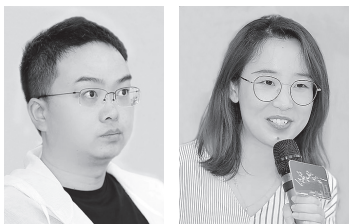

ГЕОКУЛЬТУРНЫЙ ОБРАЗ ВЫГОВСКОГО КРАЯ В ТВОРЧЕСТВЕ МИХАИЛА ПРИШВИНА: СПЕЦИФИКА И ФАКТОРЫ ИЗМЕНЕНИЯ*

У Цзюнь

аспирант

► dassw@mail.ru

Шанхайский университет
иностранных языков,
Китайская Народная Республика,
201620, Шанхай, ул. Вэньсян, 1550

Wu Jun

Postgraduate Student

Shanghai International Studies University,
1550, Wenxiang Road, Shanghai,
201620, People's Republic of China

Цзоу Лувэй

кандидат филологических наук,
старший преподаватель

► Luvej.czzou@mail.ru

Университет МГУ-ППИ в Шэньчжэнь,
Китайская Народная Республика, 518172,
Шэньчжэнь, ул. Гоцзидасюэюань, 1

Zou Luwei

PhD in Philology,
Senior Lecturer

Shenzhen MSU-BIT University,
1, Guozidaxueyuan Road, Shenzhen,
518172, People's Republic of China

WU JUN, ZOU LUWEI
THE GEOCULTURAL IMAGE OF THE VYGOVSKY REGION IN
THE MIKHAIL PRISHVIN'S WORKS: SPECIFICS AND FACTORS OF CHANGE

Авторы статьи анализируют геокультурный образ Выговского края России, его трансформацию в произведениях М. М. Пришвина — в его ранних книгах «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком» и заключительном романе «Осударева дорога». В ранних произведениях представление об уникальном геокультурном пространстве региона складывается посредством знакомства с бытом, культурными традициями, ценностными установками и мировосприятием людей, родившихся и живущих здесь всю жизнь. В романе-сказке «Осударева дорога» к впечатлениям Пришвина от особого природного и человеческого «содержания» этого края добавляются глубокие философские размышления над смыслом русской истории. Расшифровка автономного геокультурного образа, неповторимой сложносоставной субкультуры становится контекстом для осмысления писателем многослойного культурно-исторического и социально-политического пространства Русского Севера и России в целом. Традиционное противоречие между необходимостью и свободой, возникшее в результате столкновения государственной власти и исконного русского народа, по свидетельству писателя, на территории Русского Севера имеет свои особенности и порождает иные формы компромисса. Авторы статьи исследуют атрибуты трансформации культурного пространства в конкретных исторических обстоятельствах, его связи с географическими, политическими и социально-экономическими условиями — то, как это увидел Пришвин, — с целью дальнейшей экстраполяции выводов на исторические и современные реалии русского и других народов. Взгляды М. М. Пришвина, не оцененные объективно при жизни писателя, сегодня вновь привлекают внимание думающей части человечества, поскольку поднимают на очень высокий уровень проблемы сохранения уникальности не только природно-культурной

* Исследование выполнено при поддержке проекта «Программа академического наставничества научного руководителя Шанхайского университета иностранных языков» (проект № 2022113007),本文是“上海外国语大学导师学术引领计划项目”的阶段性成果(编号: 2022113007), и ключевого гранта Шанхайского университета иностранных языков «Сравнительное исследование мягкой силы ведущих стран в Центральной Азии в контексте инициативы “Пояс и Путь”», «“一带一路”视域下大国在中亚的软实力比较研究».

The study was supported by the project “Academic Mentorship Program for the Supervisor of the Shanghai University of Foreign Languages” (project No. 2022113007),本文是“上海外国语大学导师学术引领计划项目”的阶段性成果(编号: 2022113007), and key grant from Shanghai University of Foreign Studies “Comparative study of the soft power of leading countries in Central Asia in the context of the Belt and Road Initiative”, “‘一带一路’视域下大国在中亚的软实力比较研究”.

системы Русского Севера, но и любого этнокультурного образования.

Ключевые слова: творчество М. Пришвина, литературная география, геокультурный образ, Русский Север, Выговский край, поморы.

In the article the authors analyze the geocultural image of the Vygovsky region, its transformation in the works by Mikhail M. Prishvin in his early books “In the Land of Fearless Birds”, “Behind the Magic Bun” and in the final novel “Tsar’s Road”. In the first works, the idea of the unique geocultural space in the region is presented through acquaintance with the life style, cultural traditions, values and worldview of people who were born and live in this region all their lives. In the fairy tale novel “Tsar’s Road”, in contrast to the earlier works, deep philosophical reflections on the meaning of Russian history are added to Prishvin’s impression of the special natural and human “content” in the region, so the deciphering of an autonomous geocultural image, a unique complex subculture becomes the context for the writer to comprehend the multi-layered cultural, historical and socio-political space of the Russian North and Russia as a whole. The traditional contradiction of “necessity” and “freedom”, as a result of collision between state power and the original Russian people, according to the writer, on the territory of the Russian North has its own features and gives rise to other forms of compromise. The authors of the article explore these attributes of the transformation of cultural space in specific historical circumstances, its connection with geographical, political and socio-economic conditions, in the way Prishvin saw it, with the aim of further extrapolating conclusions to the historical and modern realities of Russian peoples. Views of Prishvin, which were not objectively assessed during the writer’s lifetime, today again attract the attention of the thinking part of humanity, since they raise to a very high level the problems of preserving the uniqueness of not only the natural-cultural system of the Russian North, but also of any ethnocultural subject.

Keywords: Mikhail M. Prishvin creative work, literary geography, geocultural image, Russian North, Vygovsky region, Pomors.

Введение

Михаила Михайловича Пришвина по праву можно называть одним из самых проникновенных русских литературных путешественников начала XX в. Именно его творчество в тот период, да и на много лет вперед, глубоко раскрыло всю неповторимость природы Русского Севера, культуры народов региона. В 1906 г. писатель предпринимает первую поездку на север России, результатом чего стала книга «В краю непуганых птиц». В 1907 г. по поручению Императорского Русского географического общества Пришвин вновь отправляется на территорию Русского Севера и описывает это

путешествие в книге «За волшебным колобком». Роман «Осударева дорога» в качестве итоговой работы писателя также посвящается теме Русского Севера. В художественном творчестве Пришвина данной теме отводится особое место, а созданный образ претерпевает заметные изменения в произведениях разных лет.

Цель

В статье проанализированы геокультурные образы Русского Севера — Выговского края — в произведениях М. Пришвина разных периодов: «В краю непуганых птиц», «За волшебным колобком» и «Осударева дорога». Цель исследования — выявить особенности трансформации образов и факторы, повлиявшие на этот процесс.

Состояние изучения вопроса

Современные исследователи творчества М. Пришвина чаще всего уделяют внимание мифологическому и религиозному аспектам его книг. Например, Г. П. Климова [Климова 1993: 52] рассматривает творчество писателя в контексте христианской культуры, акцентируя внимание на принципах христианского мировоззрения Пришвина, делающих его прозу не только художественно-философской, но и христианско-философской. По мнению Н. П. Дворцовой [Дворцова 1998: 139], смысл творчества писателя необходимо трактовать «в русле русского религиозного возрождения, являющегося для Пришвина не второстепенным, а сущностным и доминантным контекстом». Г. Д. Гачев [Гачев 1991: 83] подчеркивает мифопоэтическую уникальность работ Пришвина. Для А. И. Павловского «мир Пришвина есть не что иное, как мифы, предания» [Павловский 1994: 99]. Н. Н. Иванов [Иванов 2001: 25, 30] и Н. В. Борисова [Борисова 2004: 6–7, 10] отмечают, что основа и универсальный фактор понимания Пришвина лежат в сфере мифичности.

С точки зрения литературной географии литературное путешествие рассматривается как способ литературного освоения и постижения пространства. Литературная география как научная дисциплина развивается в рамках культурной

географии, которая оперирует такими понятиями, как культурное пространство, место, территория, географический образ [Калуцков 2016: 119]. С учетом того, что «места», «края», «земли» представляют основные топосы в творчестве Пришвина, исследование культурно-географических аспектов его произведений вполне актуально.

Обсуждение

Столкновение юга и севера на Руси. Русский Север сегодня охватывает все северные регионы европейской части России, но эта территория не сразу стала так именоваться. В процессе трансформации топонима-геоконцепта можно обнаружить следы отхода региона от центра страны, при этом он сохранил статус прародины русской культуры и «культурного убежища» для русского человека из других регионов страны.

Пришвин в начале своей книги «В краю непуганых птиц» отмечает, что люди с юга воспринимают северные территории, опираясь на стереотипные установки: «дебри, где люди занимаются охотой, рыбной ловлей, верят в колдунов, в лесную и водяную нечистую силу, сообщаются пешком по едва заметным тропинкам, освещаются лучиной, словом, живут почти что первобытной жизнью» [Пришвин 1934: 1], или «про Повенец говорят обыкновенно: он всему миру конец» [Пришвин 1934: 11].

Исторически сложилось так, что северное направление оказывается наиболее безопасным и привлекательным для жизнедеятельности. В Древней Руси русский народ сталкивался с проблемами, исходящими от соседей с трех сторон, кроме севера. Русский Север хранит историю и культуру народа, не омраченные ни татарским игом, ни крепостным правом и произволом чиновников, зато освященные древнерусской традицией, восходящей к Новгороду, Киеву, к былинным временам [Пискулин 2012: 230]. Север ценен как «прародитель» русской культуры, поморы же, заселившие Север в IX–XI вв. и наладившие близкие контакты с иноземцами, прежде всего с норвежцами, «не от России дышат», как писал Пришвин, и видят Норвегию местом мечты.

«Первозданность» природы и «примитивность» культуры не только заповедуют Северу становиться прародителем русской культуры, но и создают преграды для равноценного понимания и признания со стороны юга России.

Если в произведениях «В краю непуганых птиц» и «За волшебным колобком» люди приезжают на север как паломники, для встречи с «полуночным солнцем», то в романе «Осударева дорога» приехавшие ощущают себя «царями природы». Этот факт подводит к выводу о постепенном размывании границ между югом и севером России. И чем более смещаются границы освоенного человеком пространства в сторону северных территорий, тем глубже писатель погружается в мучительные размышления о сохранении природы и культуры, о предназначении человека, о столкновении, и даже противостоянии, его преобразовательной деятельности и первозданной природы.

Среди строителей канала, или «табашников», как их называет автор романа, которые «приехали по государственному делу», есть черкесы, киргизы, узбеки, татары, монголы и русские [Пришвин 1954: 36], что символизирует коллективность и отрицает этнокультурные отличия. Если в ранних произведениях Пришвина подчеркиваются различия культурных идентичностей юга и севера России, то в «Осударевой дороге» присутствует «коллективный герой», единое общество.

В романе история разворачивается в переходную эпоху, когда старообрядцы ждут апокалипсис и отвергают само будущее в виде любых инноваций, а новое поколение отменяет конец света. Конфликты между новыми и старыми людьми превосходят противоречие юга и севера. «Пришвин создает мифопоэтическую картину меняющегося мира, трагедия которого заключается в процессе бесконечного умаления бытия. В романе канал — метафизический символ насилия над природой, историей и человеческой личностью, имеющей соответственно географическую, историческую, религиозную и культурную подоплеку» [Гришина 2006: 610].

Изменение мировоззрения и ценностей писателя и его героев. Мировоззренческая культура — это культурный образ жизни. При описании

характера и культуры северного народа в своих ранних книгах Пришвин особо выделяет такие его качества, как простота, чистота, доброта. Они берут начало из сохранявшейся много веков русской культуры и глубокой веры в Бога. В «Осударевой дороге» северу предстоит выбор между «хочется» и «надо», что является одной из главных идей автора. Однако на эту ситуацию можно посмотреть и с другой стороны — как на реализацию мотива «начала/конца света».

Образ героя из книги «В краю непуганых птиц» — Юровщика Михайлы — воплощает в себе образцовые мировоззренческие принципы северорусских людей. Исполнение Божьей воли — его пожизненная задача, он верит приметам и народным поверьям. Михайло объясняет неудачи и несчастья грехом человека перед Богом: «Вечером съехались на льдину, я товарищам: “Ребята, у нас в ромше неладно: зверь зашевелился. Есть грех”» [Пришвин 1908: 66]. Михайло в судьбоносный момент может спокойно стоять лицом к опасности: «Смотрю на ребят, говорю строго: “Нехорошо, братья, так помирать. Бога обижают. Наденьте чистые рубашки, помолитесь, проститесь. Так нельзя, братья”» [Пришвин 1908: 71].

Василий из книги «За волшебным колобком» не уступает своей набожностью Михайлу. Понимая роль охотника в системе природы, созданной Богом, он при нарушении «закона» этой системы перестает мыслить как охотник, а заботится о недопущении греха и сохранении созданных Богом тварей и в целом природы: «Василий останавливает меня. — У нее детки, нельзя стрелять, надо пожалеть. ...Назад бежит, к деткам. Нельзя стрелять. Грех!» [Пришвин 1908: 143]. Тем самым Василий проявляет тот самый неопровержимый природный ум и доброту; его мудрость, чистота и искренность в определенной степени возвышают лопарей над горожанами с юга России.

Привлекает внимание тот факт, что Пришвин не был ортодоксальным христианином. В его дневниках есть запись: «...чувствующему красоту природы человеку церковность должна быть чужда» [Пришвин 2007: 336]. В книгах очерков «В краю непуганых птиц» и «За волшебным колобком» писатель проповедует христианские ценности, а

в романе «Осударева дорога» поднимает вечный вопрос русского мира: каким путем должен идти русский человек? И хотя книга не дает прямого ответа на этот вопрос, в ней нетрудно обнаружить авторский подход к неразрешенной проблеме — устремленность к примирению, соединению веры в Бога и неизбежной сопричастности миру.

В «Осударевой дороге» все герои движутся к точке пересечения «хочется» и «надо». Главный герой Зуёк стремится к власти и свободе («хочется»), мечтает стать «царем природы», но в итоге он вынужден подчиниться необходимости («надо»). Маша Уланова, главный женский образ в романе, прошла очень непростой жизненный путь. Она нашла любовь Сутулова, однако ей приходится подавлять свои чувства из-за грустного прошлого, в котором она покорялась своему любимому Степану, пока верила и могла. Когда вера закончилась, Маша, продолжая любить Степана, сама его и отдала под суд. Не стала ее женская доля легче и счастливее, мешал ей горький опыт, как «пчелка тянулась она к каждому цветку за медом», да только «цветы все пустыми были». Разгадка этих мучений кроется в тайнах души русской женщины: «Могло же это вместе быть: и что отказывалась от него [Степана], и что вместе с тем и ждала!» [Пришвин 1984: 149, 151].

Мария Мироновна — особый пример духовного странничества. «Мирская няня», мать всем, Мария Мироновна добровольно ложится в гроб в ожидании конца света, когда перестает понимать и принимать новое, изменяющее прежнюю жизнь. Не видит она себя в этом новом мире, но Маша Уланова (даже имена у них одинаковые) согревает сердце старухи, находит слова для «испугавшегося прошлого». В этом столкновении старого и нового, «хочется» (как принято было) и «надо» (по законам новой жизни) ломаются и формируются судьбы и характеры. «Мотив “конца-начала” света определяет грань между двумя мирами (“старым и новым”). Пришвин осознает враждебность человеку и природе современной этики “надо”, указывает на деформацию культурных, духовных начал общества XX века» [Машкина 1997: 69].

Эволюция географического образа Русского Севера. В.Н.Калуцков определяет исследова-

ние тех или иных маркеров географического пространства, отражаемых в литературе, фольклоре и научных трудах, как предмет культурной географии [Калуцков 2016: 119]. Лес, степь, река считаются основными элементами русской географии. Традиционно лес защищает и охраняет русского человека от внешних врагов и предоставляет экономические ресурсы. Степь — это место, откуда нападали кочевые народы, потенциальный источник опасности. Река кормит людей, но параллельно может и наказывать их.

Пришвин описывает природу очень простым, доступным языком, показывая свою «родственность» с ней и получив при этом характеристику, данную К. Паустовским, — «певец русской природы». Вместо стереотипного представления — «дебри», лес Русского Севера у Пришвина предстает привлекательным и неповторимым. Совсем мало встречается в его ранних книгах описаний каких-либо явлений или элементов природы с негативной оценкой. «Безгрешная ночь» под лучами «полуночного солнца» очищает и освобождает от мирского, заставляет рефлексировать о вечном.

В литературном пространстве Пришвина важное значение имеет вода. Во время первой и второй поездок автор придает много внимания всему, что связано с водным миром, — озерам, рекам, водохранилищу, морю. Стихия воды — это часть повседневной жизни северного народа, несомненно оказывающая сильное влияние на его миропонимание, ценностные установки, менталитет. В художественном дискурсе Пришвина море — это пространство, в котором люди, звери, сказочные герои и мифологические божества тождественны [Дехтяренко 2022: 368]. Море побуждает людей задуматься о смысле жизни, о смерти: «конца природы и жизни человека нет, что всё оканчивается не смертью, а спокойной мудростью» [Пришвин 1908: 221].

Если в книгах очерков «В краю непуганых птиц» и «За волшебным коlobком» природа — хозяин Севера, то в «Осударевой дороге» человек господствует над природой, назначая себя ее «царем». Вода — живая сила, которая «связывает небо и землю: она первая из природных стихий “получает отпуск на небо”, являя момент преоб-

ражения, но и вновь возвращается уже в качестве “воды небесной”, способствуя оплодотворению и расцвету» [Борисова 2001: 85]. В конце концов, подчиняясь необходимости и интересам государства (строительство канала), водная стихия должна покориться воле человека.

Стоит отметить, что в культурном и литературном пространстве Пришвина потоп (вода) из-за преобразования природы и «огненный апокалипсис» старого мира — это необходимые и оправданные «рычаги» для изменения модели мира. Строители канала олицетворяют новый мир, новое пространство, в том числе социальное, через порабощение водной стихии. Для стареющих ожидается «светопредставление» связывавшее с огнем, но новое поколение решило другим способом реформатировать свое жизненное пространство. Так, вода и огонь стали у Пришвина олицетворением противостояния старого и нового мира. Но при этом обе стихии являются элементами единого природного организма, созданного Богом.

Смещение геокультурного центра. С начала XVI в., в период возвеличивания Великого Новгорода, северные территории России носили название Заволочье. После укрепления авторитета Москвы эти земли именуют Поморьем. На рубеже XIX–XX вв. оформляется топоним-геоконцепт «Русский Север». С точки зрения этимологии Заволочье и Русский Север связаны с описанием обширной территории, исторически принадлежавшей Новгороду. А название Поморье символизирует пространство с центром на южном берегу Белого моря. В этом факте прослеживается некая симпатия северорусского человека к ближайшему иностранному соседу — Норвегии.

В геокультурном пространстве «Россия — Норвегия» северному помору ближе вторая страна. И Пришвин это отмечает: «Я всякими способами стараюсь возбудить чувство национального самолюбия у помора. Но у него этого нет. Все, что в Норвегии, — хорошо, что в России — плохо». Такое неприятие позиции поморов Пришвиным, по мнению Н. А. Трубициной, объясняется разницей в социальной и культурной самоидентификации коренных северных жителей и писателя [Труби-

цина 2013: 182]. Это утверждение выглядит для нас не совсем доказательным, но оставлять его без внимания тоже нельзя, поскольку, несомненно, соседняя страна естественным образом оказывает влияние на культурную идентичность живущих в приграничных районах представителей другого народа.

В романе «Осударева дорога» все герои движутся в сторону культурного центра страны, об этом свидетельствует путь взросления главного героя — мальчика Зуйка. Он, соблазнившись мечтами о новой жизни, пошел искать власть и свободу; его путь, наполненный приключениями, определенным способом связывает периферию и центр страны (и жизни как таковой). Северный человек находится на стыке двух эпох, на границе между двумя, по-разному устроенными мирами. Зуёк преодолевает огромные трудности и опасности во время символического перехода «просеки-моста», пролегающего между «молодым» лесом и «старым» бором. Этот путь — в географическом и жизненном плане — возвращает в нем «внутреннего начальника», вынужденного подчиняться «необходимости», а не поступать «по свободе».

Для Пришвина человек является продолжением природы, хотя и отличается от нее, потому что «природа есть всё». Рассуждая, писатель соотносит человека — «царя природы» — со «стволом дерева», который «задан в природе» [Пришвин 1986: 495]. В этом смысле «царь природы» и «внутренний начальник» отождествлены. Они направляют поведение Зуйка от «ствола/царя природы/внутреннего начальника» к «стволу/опоре/маленькому царю» на «острове спасения» и далее к «стволу/охотнику/части природы, но начальственной части». Опасная встреча с медведем становится переломным моментом, заставившим мальчика «бросить свой план» жизненного пути. Если бы не приехали строители канала, Зуёк, по словам бабушки, должен был убить медведей через пару лет, потому что в нем совместились два вектора развития — охотника и «начальника».

Политические и культурные реалии — от Российской империи к советскому государству. В период Средневековья картина мира северных народов сочетала географическое и социальное

пространства, в которых славяне занимали немаловажное место. Стоит отметить, что культурная связь между исконно русскими людьми и коренным населением Севера была достаточно устойчивой, при этом этнические меньшинства воспринимались как чужие, представители иной культуры. Экономическое развитие, расширение рынка и внешнеторговых отношений разрушили старую модель мира и идентичности, постепенно сформировалась поморская идентичность.

В середине XIX в. Российская империя начала формировать национальную идеологию, и с тех пор северная территория европейской части оказывается в центре споров по пониманию русскости. По окончании Первой мировой войны идея народного государства была в основном сформирована. На самом деле название «Русский Север» стали массово применять в связи с политическим контекстом: Российской империи было необходимо закрепить статус северных регионов и оставить эту территорию под влиянием русской культуры.

Во второй половине XIX в. торговцы со стороны Норвегии стали активнее прибывать на Русский Север. Это проникновение порой приводило к столкновению интересов иностранцев и жителей Русского Севера, а также отрицательно сказывалось на устойчивости культурной идентичности. Финны также начали культурное вторжение, активизируются деятельность миссионеров и пропаганда финской культуры. К XX в. в России сформировалась национальная идея: «Русский народ как нация выражается в трех символах: вере православной, царе самодержавном и народе русском» [Размолодин 2010: 31]. Это позволило превратить Поморье в Русский Север, а термины «поморы» и «Поморье» уходят в историю.

В культурной политике Советского Союза совместились политический и этнический принципы, и понятие «национальность» стало идентичным понятию «этническая принадлежность». Определение «народы Севера» было введено в 1920-х годах, когда активно реализовывался проект национально-государственного строительства и правительство страны сталкивалось с вопросом социальных и культурных преобразований жизни северных народов, социалистического пере-

устройства этой территории. В 1920–1930-х годах термин «Русский Север» перестал употребляться. Государственная идеология теперь строится на концепции дружбы народов, с позиций культурного развития все население Советского Союза воспринималось как единая большая семья, а «русский народ — старший брат в семье советских народов». В советский период территориальные границы внутри государства размываются, что отражается в уменьшении количества топонимов-геоконцептов, и сам термин утрачивает политический контекст.

Выводы

Подводя итоги, следует отметить, что геокультурный образ Русского Севера от начала до середины XX в. испытывал сильные изменения. К началу прошлого века жители региона — поморы — жили под довлеющим, целенаправленным культурным влиянием соседних стран и сформировали не одинаковую с народами других регионов культурную идентичность, что нашло отражение в определенной симпатии поморов в том числе к Норвегии. После завершения Первой мировой войны и утверждения советской власти на всей территории Российского государства идея дружбы всех народов становится господствующей идеологией, стирающей этнические и культурные границы. Советская политика национально-государственного строительства и развития северных народов на основе новых ориентиров сблизила юг и север страны. На тот исторический момент это был в определенной степени итог примирения старого мира с новым, поддерживающий хотя бы «на поверхности» баланс между «свободой» и «необходимостью» (размышляя категориями М. М. Пришвина) в судьбе Русского Севера, Выговского края.

ИСТОЧНИКИ

Иванов 2001 — Иванов Н. Н. *Мир Михаила Пришвина: учеб. пособие*. Ярославль: Изд-во ЯГПУ им. К. Д. Ушинского, 2001. 119 с.

Пришвин 1908 — Пришвин М. М. *За волшебным колобом: из записок на крайнем севере России и Норвегии*. СПб.: Изд. А. Ф. Девриен, 1908. 291 с.

Пришвин 1934 — Пришвин М. М. *В краю непуганых птиц: Онега-Беломорский край: очерки*. СПб.: Изд. А. Ф. Девриен, 1934. 190 с.

Пришвин 1954 — Пришвин М. М. *Осударева дорога (сборник)*. М.: Вече, 1954. 490 с.

Пришвин 1984 — Пришвин М. М. *Собрание сочинений: в 8 т. Т. 6*. М.: Художественная литература, 1984. 439 с.

Пришвин 1986 — Пришвин М. М. *Собрание сочинений: в 8 т. Т. 8*. М.: Художественная литература, 1986. 759 с.

Пришвин 2007 — Пришвин М. М. *Ранний дневник. 1905–1913*. СПб., 2007. 582 с.

ЛИТЕРАТУРА

Борисова 2001 — Борисова Н. В. *Жизнь мифа в творчестве М. М. Пришвина*. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2001. 282 с.

Борисова 2004 — Борисова Н. В. *Художественное бытие мифа в творчестве М. Пришвина*. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2004. 227 с.

Гачев 1991 — Гачев Г. Два медведя: Пришвин и Бахтин (фрагмент из «Русской думы»). *Alma mater*. 1991, (7): 83–89.

Гришина 2006 — Гришина Я. З. Комментарии. Пришвин М. М. *Собрание сочинений: в 3 т. Т. 3*. Рязанова Л., Гришина Я. (сост.). М.: Терра — Книжный клуб, 2006. 624 с.

Дворцова 1998 — Дворцова Н. П. Михаил Пришвин: «Жизнь как утверждение». В сб.: *Михаил Пришвин и русская культура XX века*. Дворцова Н. П., Рязанова Л. А. (ред.). Тюмень: Вектор Бук, 1998. С. 134–164.

Дехтяренко 2022 — Дехтяренко А. В. Мифологема моря в творчестве М. М. Пришвина. В кн: *Язык истории и языки литературы*. Шарыпина Т. А., Меньщикова М. К. (ред.). Н. Новгород: Университет Лобавечского (ННГУ), 2022. С. 366–375.

Калуцков 2016 — Калуцков В. Н. Концептуальные основы литературной географии. *Уральский исторический вестник*. 2016, (2): 118–125.

Климова 1993 — Климова Г. П. *Творчество И. А. Бунина и М. М. Пришвина в контексте христианской культуры*. М.: Моск. пед. ун-т, 1993. 52 с.

Машкина 1997 — Машкина О. А. Культурологическое толкование текста «Осударевой дороги» М. М. Пришвина. *Культура и текст*. 1997, (2): 68–69.

Павловский 1994 — Павловский А. И. Михаил Пришвин и «крестьянский мир». *Русская литература*. 1994, (3): 95–104.

Пискулин 2012 — Пискулин А. А. *От Подстепня до Поморья. Елецкий край и Выговский край — исторические регионы России в творчестве И. А. Бунина и М. М. Пришвина*. Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2012. 238 с.

Размолодин 2010 — Размолодин М. Л. Православно-религиозные основы черносотенной идеологии. *Вестник Томского университета*. 2010, 4 (12): 31–36.

Трубицина 2013 — Трубицина Н. А. Геокультурный образ Норвегии в книге М. Пришвина «За волшебным колобом». В сб.: *Материалы Всероссийской научной конференции, посвященной 140-летию со дня рождения Михаила Пришвина. Михаил Пришвин и XX век*. Атаманова Е. Т. (ред.). Елец: ЕГУ им. И. А. Бунина, 2013. С. 178–185.

REFERENCES

- Борисова 2001 — Borisova N.V. *The Life of Myth in the works of M. M. Prishvin*. Yelets: Eletskaia gosudarstvennyi universitet imeni I. A. Bunina Publ., 2001. 282 p. (In Russian)
- Борисова 2004 — Borisova N.V. *The artistic existence of myth in the works of M. Prishvin*. Yelets: Eletskaia gosudarstvennyi universitet imeni I. A. Bunina Publ., 2004. 227 p. (In Russian)
- Гачев 1991 — Gachev G. Two bears: Prishvin and Bahtin (fragment from the “Russian Duma”). *Alma mater*. 1991, (7): 83–89. (In Russian)
- Гришина 2006 — Grishina Ia. Z. Comments. Prishvin M. M. *Sobranie sochinenii*: in 3 vols. Vol. 3. Riazanova L., Grishina Ia. (comp.). Moscow: Terra — Knizhnyi klub Publ., 2006. Vol. 3. 624 p. (In Russian)
- Дворцова 1998 — Dvortsova N.P. Mikhail Prishvin: “Life as an affirmation”. In: *Mikhail Prishvin i russkaia kul'tura XX veka*. Dvortsova N. P., Riazanova L. A. (eds). Tyumen: Vektor Buk Publ., 1998. P. 134–164. (In Russian)
- Дехтяренко 2022 — Dekhtiarenok A. V. The mythologeme of the sea in the works of M. M. Prishvin. In: *Iazyk istorii i iazyki literatury*. Sharypina T. A., Men'shchikova M. K. (eds). N. Novgorod: Universitet Lobachevskogo Publ., 2022. P. 366–375. (In Russian)
- Калуцков 2016 — Kalutskov V.N. Conceptual foundations of literary geography. *Ural'skii istoricheskii vestnik*. 2016, (2): 118–125. (In Russian)
- Климова 1993 — Klimova G.P. *Creativity of I. A. Bunin and M. M. Prishvin in the context of Christian culture*. Moscow: Moskovskii pedagogicheskii universitet Publ., 1993. 52 p. (In Russian)
- Машкина 1997 — Mashkina O. A. Culturological interpretation of the text of the “Osudareva Road” by M. M. Prishvin. *Kul'tura i tekst*. 1997, (2): 68–69. (In Russian)
- Павловский 1994 — Pavlovskii A. I. Mikhail Prishvin and the Peasant World. *Russkaia literatura*. 1994, (3): 95–104. (In Russian)
- Пискулин 2012 — Piskulin A. A. *From the Steppe to Pomorie. Yelets Region and Vygovsky Region — Historical Regions of Russia in the Works of I. A. Bunin and M. M. Prishvin*. Yelets: Eletskaia gosudarstvennyi universitet imeni I. A. Bunina Publ., 2012. 238 p. (In Russian)
- Размолодин 2010 — Razmolodin M. L. Orthodox-religious foundations of the Black Hundred ideology. *Vestnik Tomskogo universiteta*. 2010, 4 (12): 31–36. (In Russian)
- Трубицина 2013 — Trubitsina N. A. Geocultural image of Norway in M. Prishvin's book “Behind the Magic Bun”. In: *Materialy Vserossiiskoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 140-letiiu so dnia rozhdeniia Mikhaila Prishvina*. Mikhail Prishvin i XX vek. Atamanova E. T. (ed.). Yelets: Eletskaia gosudarstvennyi universitet imeni I. A. Bunina Publ., 2013. P. 178–185. (In Russian)